

ТЕОРИЯ

Л. Е. ГРИНИН

ФОРМАЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ*

ЧАСТЬ II. РАЗДЕЛ 2.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Как всегда, приступая к систематическому изложению сложной и объемной теории, сталкиваешься с проблемой: с чего начать и как правильнее сгруппировать материал? Можно, конечно, сразу приступить к характеристике центральной категории теории исторического процесса. Как и в историческом материализме, у меня это – формация. Однако в моей трактовке данная категория вовсе не равна общественно-экономической формации, что и неудивительно, поскольку я исхожу из иных, чем это учение, гносеологических и методологических посылок. Поэтому я не только показываю различия, но и несколько изменяю название: говорю не об общественно-экономической формации, а о формации **исторического процесса**.

По этим причинам начинать с обстоятельной характеристики формации оказалось неудобным. Кроме того, чтобы показать полную ее структуру, причем в нескольких аспектах (временном, пространственном, системном), законы и движущие силы ее разворачивания и смены, цикличность и особенности этого цикла и т. д., нужно сначала подробно рассмотреть ее составные части. А каждая из них сама по себе – очень сложное и объемное понятие. Поэтому раздел пришлось разбить на два подраздела.

* Продолжение. Начало см.: *Философия и общество*. 1997. № 1–6; 1998. № 1–6; 1999. № 1–2.

В первом подробно разбираются категории, система которых и составляет основное (или первичное) содержание формации. Поэтому я называю эти категории **формационными**. Они, по сути, аккумулируют в себе то общее, что можно выделить в развитии отдельных слоев (сфер, областей) жизни разных обществ, и схематично показывают развитие этих сфер в историческом процессе как в вертикальном, так и в горизонтальном его измерении.

Таким образом, мы получаем как бы несколько теснейше взаимосвязанных линий, показывающих разворачивание определенных моментов (или параметров, аспектов, частей) исторического процесса. Каждая из них сама по себе представляет большой интерес, так как позволяет увидеть логику развития отдельных аспектов истории и как самостоятельных процессов, и как части общих сил, а также дает возможность перехода к менее широким (но не менее важным) задачам теории истории. Однако необходимо объединить эти линии и аспекты в общую систему на основе идеи, с одной стороны, их инвариантности друг другу, а с другой – относительно большей фундаментальности некоторых из них.

Опираясь на анализ соотношения основных формационных категорий между собой и введя некоторые дополнительные, можно уже переходить к обстоятельной характеристике модели формации с рассмотрением ее цикла и разбором переходных периодов. Второй подраздел и посвящен этому и связан непосредственно с моделированием исторического процесса.

Моделирование же неразрывно с периодизацией. Последняя операция играет очень важную, во многом структурирующую роль в теории исторического процесса, ибо вопрос времени, длительности периодов и значимости их места в общем движении составляет суть историчности. Поэтому я считаю необходимым рассмотреть периодизацию самым тщательным образом, привести не просто первичное, то есть достаточно приблизительное, неточное и грубое деление, но и более тонкое.

Формации и есть основные ступени исторического процесса, определяющие периодизацию первой очереди. Этапы формационного цикла дают основу для более подробной – вторичной – пе-

риодизации, объясняющей логику формационного цикла. Затем идет еще более детальная – третичная. С периодизацией так или иначе увязаны и формационные категории. Все сказанное позволяет дать полное описание модели исторического процесса.

Кратко охарактеризовав структуру раздела, я вновь хочу вернуться к вопросу, к которому приходится обращаться постоянно: насколько соответствует реальности представленная модель. Ведь если верно, что «природа социальной реальности – это ключевая проблема философии социальной науки»¹, а одна из главных задач последней состоит в том, чтобы проверить, насколько ее тезисы прикладываются к самой социальной реальности²; если, чтобы сделать объяснения социальной реальности более ясными и убедительными, необходимо увеличить тонкость и остроту анализа современных философских категорий³, то сказанное вдвойне верно для **исторической** реальности и проверки категорий философии истории и теории исторического процесса. Ибо если социальную реальность можно наблюдать непосредственно, то историческая воспринимается нами опосредованно, а часто наши знания вообще основываются на догадках и предположениях.

Боулдинг в шутку говорил, что интерпретация истории – опасное занятие. Действительно, может быть, как ни в какой другой области, обобщения здесь связаны с возможностью ошибок, перекосов и искажения перспективы. А по точному замечанию Марроу, трудности, опасности и неуверенность исследователя пропорционально растут вместе со степенью абстракции, уровнем обобщения и широтой синтеза исторических конструкций⁴.

Выходом из этих сложностей мне представляется повышение роли методологии и гносеологии, что уменьшит число ошибок и позволит эффективнее их обнаруживать и исправлять⁵.

¹ Collin F. Social Reality. N. Y., 1997 (Аннотация к книге).

² Collin F. Op. cit. P. X.

³ Ibid. P. XI.

⁴ Cite: Kracauer S. History. The Last Things Before the Last. N. Y., 1969. P. 123.

⁵ Зигфрид Красауэр называет как необходимые при увязке микро- и макроистории два правила (принципа или закона): перспективы и уровней. (Kracauer S. Op. cit. P. 123–127). Но, разумеется, их гораздо больше, и мы о многих из них говорили (в том числе о правилах исторической ретроспективы, возможно большего охвата конкурирующих взглядов и т. п.).

Мы очень часто забываем, что нет абстрактной истины, она всегда конкретна. А значит, нет и универсального для каждого случая объяснения, оно просто невозможно. Но это совершенно не значит, что правы те «философы истории, которые готовы согласиться, что описание отдельных фактов может быть истиной, но отрицают, что генерализации и классификационные описания [истории] могут быть таковыми»⁶. Помимо ловушки сугубого объективизма, считающего, что «между природой и знанием существует полное совпадение»⁷, есть еще ловушка сугубого релятивизма. Последний ныне все чаще выступает в форме постмодернизма, в котором ценность поиска истины рассматривается через призму умственных упражнений, в плане того, «что можно сделать с «истинной»⁸. Причем эти упражнения весьма напоминают выверты древнегреческих софистов. Не попасть ни в ту ни в другую ловушку – вот обязательная задача.

Модель, следовательно, не соотносится прямо с действительностью, а категории весьма опосредованно связаны с массой описываемых ими объектов. Однако результат, выводы, практические рекомендации должны способствовать более глубокому и верному пониманию исторического процесса и шире – истории.

Итак, этот раздел завершает построение авторской теории исторического процесса. Она с учетом объясненных в первом разделе законов, гносеологических и методологических подходов и принципов, а также изложенного в первой части позволит в третьей части перейти уже от модели к более подробному описанию исторического процесса. И это даст возможность остановиться на многих частных по отношению к глобальному масштабу, но очень важных (а в некоторых смыслах – важнейших) проблемах теории истории.

ПОДРАЗДЕЛ 1

⁶ Mc Cullagh C. Behan. The Truth of History. L. -N. Y., 1998. P. 62.

⁷ См. Bunzl M. Real History: Reflections on Historical Practice. L. -N. Y., 1997. P. 105.

⁸ Ibid.

ФОРМАЦИОННЫЕ КАТЕГОРИИ

Данный подраздел необходим, чтобы, во-первых, развернуть категориальный аппарат моделирования исторического процесса в целом и каждой формации в отдельности. Во-вторых, показать в достаточно схематичном, но все же весьма обстоятельном виде, как разворачиваются эти категории в рамках формации и всего исторического процесса, как связаны они с периодизацией. Это позволит более четко обосновать периодизацию, увидеть генеральную и иные линии развития, причины и механизмы смены формаций.

Каждая глава посвящена одной или нескольким важнейшим формационным категориям. Однако невозможно говорить о формационных категориях, хотя бы кратко не очертив, что понимается под формацией. Это сделано в первой главе, которая посвящена показу достоинств и недостатков трактовки понятия формации, объяснению причин и сохранения, и изменения этой категории, рассмотрению соотношения формации и формационных категорий, общих правил анализа последних. И в некоторых отношениях эта глава как бы предваряет второй подраздел, в котором категория «формация исторического процесса» разбирается более глубоко. Следовательно, повторения неизбежны, но зато они позволяют лучше понять всю теоретическую конструкцию.

В этом введении есть смысл несколько остановиться на содержании понятия «категория» вообще и его методологическом аспекте. Мы уже говорили, что категории во многом сходны с законом, в известном смысле их правомерно трактовать как «свернутый» закон, который с помощью определенных правил можно «развернуть». Неудивительно, что порой границы между ними не столь очевидны. О своих главных категориях К. Боулдинг образно говорит, что они незаметно переходят друг в друга, как цвета в радуге⁹. В известной мере то же можно сказать и о переходе законов в категории и обратно. Поскольку о законах мы много говорили, то будет нетрудно перенести ряд положений и на категории.

Сходство заключается, например, в том, что категории, как и законы, неодинаково «ведут себя» в разных случаях, то есть у них

⁹ Boulding K. E. A Primer on Social Dynamics. History as Dialectics and Development. N. Y.-L.. 1970. P. 54.

есть более и менее яркое проявление. При этом важно отметить, что *чем конкретнее объект, к которому прикладывается крупная категория, тем важнее момент изменчивости*. Категории не некий монолит и абсолют, а особая мыслительная конструкция. И забывать о том, что и в ней есть, пусть в скрытом виде, изменчивость, значит обрекать себя на ошибки. Также возникает опасность объективизации категорий. Тогда они начинают жить собственной жизнью и заставляют всегда и везде искать подтверждения своего стереотипа. Именно такая ситуация сложилась в историческом материализме, в том числе и с формацией.

Однако категория имеет бесспорные отличия от закона. Во-первых, изменчивость в ней гораздо более скрыта. Если закон должен формулироваться как какое-то соотношение (зависимость, условие, вероятность и т. п.), то есть тут уже заложены некие условия изменчивости, определенный намек на область применения и т. п., то в категориях на первый план выходит единство, и в этом их огромная познавательная сила. Таким образом, в категории на первом месте некий синтез «субстанции», а в законе – соотношение переменных¹⁰.

Поскольку категория обладает меньшей подвижностью содержания, представлять ее как какой-либо закон удобнее, так сказать, не в условной (соотносительной), а в утвердительной его форме. Например, я ввожу категорию «основное противоречие формации». Смысл ее в том, что можно выделить постоянные источники развития, которые описываются как особая форма сосуществования некоторых формационных категорий (прежде всего принципа производства благ и типа отчуждения благ и личности). Каждая формация имеет свое специфическое противоречие, которое называется основным.

В качестве утвердительной формы закона можно сказать: *изменение указанного соотношения ведет к нарушению состояния некоего формационного равновесия и переходу к качественно новому этапу формации*. Но есть аспекты, которые правомерно представить и как соотношение. Например: *чем зрелее формация, тем острее это противоречие. Чем дальше общество находится от*

¹⁰ Правда, в общественном знании это часто не соблюдается, отсюда и методологическая бесполезность таких абсолютных законов.

*генеральной линии, тем своеобразнее проявляется в нем основное противоречие, тем важнее его собственные моменты*¹¹.

Второе отличие в том, что в законе обычно (часто) существуют две стороны, которые связаны определенным образом, и вот эта связь и создает собственно закон. Сторонами закона нередко выступают именно категории. Говоря о том, что категории и законы переходят друг в друга, не следует, разумеется, также забывать об уровнях абстракции. И часто категорию можно представить как закон более низкого уровня, чем тот, в который она входит в виде одной стороны.

Сказанное должно показать, что к вырабатываемым категориям надо относиться, как к гибким инструментам, а не как к догмам. В меру возможностей я буду оговаривать, когда и как ведут себя различные категории и что из этого следует.

Таким образом, система категорий, конечно, не отражает описываемой действительности, а дает определенный инструмент для ее анализа¹². Но она зато в некотором отношении должна отражать (в смысле демонстрировать, делать более наглядным) сложность описываемой действительности, неисчерпаемость ее. И поэтому крупная категория может разворачиваться в принципе до бесконечности, но только при определенных уровнях такое разворачивание теряет эвристический смысл, поскольку появляются иные, более эффективные средства анализа. Это позволяет использовать модель в более или менее крупном плане, то есть вводить или не вводить в нее дополнительные этажи и пристройки, в зависимости от масштаба исследования.

Итак, мы должны совместить четкость категорий с подвижностью их содержания в зависимости от исторического периода, масштаба, линии исследования и т. п. В некоторой мере подвижность и нарастание сложности категории должны соответствовать

¹¹ Поскольку это лишь пример, аргументации этих тезисов не требуется. Она приводится в своем месте.

¹² Объяснения в истории нужны по той же основной причине, что и в других науках, потому что мир сильно отличается от способа, которым мы обычно представляем его, – считает Майкл Стэнфорд. (Stanford M. An Introduction to the Philosophy of History. Maiden, USA – Oxford, UK 1998. P. 123). И он даже ссылается на книгу современного ученого с оригинальным названием «Неестественная природа науки» («The Unnatural Nature of Science»), который подчеркивает, что наука не совпадает с нашими естественными представлениями (Ibid. P. 123–124).

самой логике исторического процесса. Здесь также действуют многие методологические правила, о которых шла речь: выбор базового уровня и аспекта, соблюдение правил соответствия, необходимость сворачивания и разворачивания категорий, существенная трансформация содержания более высокого уровня на низкие и т. п.

ГЛАВА 8

ФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И ФОРМАЦИОННЫЕ КАТЕГОРИИ

§ 1. Противоречия, достоинства и возможности категории «формация». § 2. Формация и формационные категории в аспекте вертикального и горизонтального измерений исторического процесса. § 3. Формация как категория особой сложности.

Я не сочувствую безапелляционным заявлениям, будто историческая специфичность – это все, что нам доступно. Напротив, мы даже не можем толком разглядеть частностей без общих понятий.

Р. Коллинз

Понятие «общественно-экономическая формация» обладает несомненными достоинствами. Но из-за того, что навязываемая историческим материализмом модель противоречила исторической реальности, в конце концов наступила понятная реакция на то, что иногда называют «формационным редукционизмом»¹³. Термин «формация» в последние лет десять многими отвергается (или отесняется на периферию) наряду с такими, как базис-надстройка, бытие-сознание, как заидеологизированный, ведущий к схематизму и малопродуктивный. Есть и попытки заменить его «цивилизацией».

Но, помимо простого отторжения надоевшей за десятилетия категории с ее очевидными методологическими пороками, нигилизм в этом отношении подпитывается еще и тем, что многие считают, будто понятие формации легко можно заменить более нейтральны-

¹³ См.: Формации или цивилизации? // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 34.

ми выражениями: ступень, этап, фаза, стадия и т. п. Однако здесь коренится большая ошибка. Ведь для описания и анализа таких крупных ступеней исторического процесса нужна гораздо более емкая и сложная категория, чем вышеприведенные. И «формация» как раз является такой, поскольку, как уже было сказано (и мы вернемся к этому подробнее), ее содержание гораздо шире и глубже, чем просто ступень развития¹⁴.

Даже в историческом материализме она была более сложной структурно, чем все остальные, поскольку через нее стремились представить модель общества как системы. Тем более сложной она становится, если это модель всемирно-исторического этапа. А если привычный (пусть несколько измененный) термин обладает качествами, которые легко не заменить, то нет никакого резона от него отказываться¹⁵.

Сама идея формаций как определенных спиралевидных циклов, имеющих одновременно и повторяемость, и качественное развитие, мне кажется весьма важной. Убрать ее совсем – значит обеднить общественную науку. Поэтому, думается, эта категория еще способна хорошо послужить. Но необходима работа, с тем чтобы избежать ненужной многозначности и путаницы при использовании данного термина. В настоящей главе я и хочу расставить все точки над *i* и больше уже не возвращаться к этим проблемам, чтобы читателю стали совершенно ясными и противоречивость марксистского понятия, и в каком значении оно употребляется в данной работе. Но для этого требуется много пояснений, о которых будет сказано ниже. Здесь я бы хотел только уточнить следующее.

Поскольку неправильно связывать формацию с уровнем отдельного общества, так как это категория иного, гораздо большего масштаба, постольку определение «общественная» необходимо отбросить. Но тогда, естественно, лишним будет и определение

¹⁴ А вот в значении макроформация, то есть «как стадия «укрупненной» периодизации истории человечества», как иногда используется понятие формации, оно как раз легко заменяется терминами «ступень», «эпоха», «период» и т. п. Ведь тогда формация как бы теряет свою структуру и лишается важных смысловых достоинств.

¹⁵ Кроме того, семантическая нагрузка сообщает не просто о стадиях истории, но как бы о напластовании исторических слоев, о том, что каждый последующий опирается на предыдущие, а во многих случаях (как при разломах земной коры) идет перемешивание пород разных слоев.

«экономическая». В значении экономического базиса оно (как не раз уже сказано) может относиться только к социальному организму.

Кроме того, определение «экономическая» показывало доминирование форм собственности в смене формаций. Однако – и это исключительно важно – я считаю невозможным связывать характеристику и причины смены формаций с формами собственности. Даже если бы мы относили первый термин только к уровню отдельного общества, и тогда это являлось бы одной из самых серьезных теоретических ошибок. Ведь четкой связи между сменой форм собственности и переходом к качественно более высоким производительным силам для большинства обществ обнаружено не было¹⁶. А без этого говорить о переходе от формации к формации было затруднительным даже в рамках исторического материализма. И тем более это неправильно, если считать формации только общечеловеческими ступенями.

Если уж связывать смену формаций с изменениями в определенной области, то скорее с производительными силами, но опять же не отдельного общества, а с мировыми производительными силами, точнее, их качественными уровнями, называемыми мной принципами производства благ.

Наконец, я считаю, что невозможно определять название отдельных формаций ни по формам собственности, ни по каким другим частичным признакам и характеристикам. В предшествующих главах для упрощения я кое-где говорил об аграрно-ремесленной и других формациях. Однако редуцировать более широкое понятие к менее широкому можно лишь в строго определенных случаях, а при моделировании это тем более опасно. Эту проблему у нас еще будет возможность обсудить. Поэтому я считаю, что назва-

¹⁶ «Исследования последних десятилетий показали, что взаимосвязь производительных сил и производственных отношений в докапиталистическую эпоху была настолько сложной и неоднозначной, само их развитие оказалось столь многомерным и нелинейным, что историки, пытавшиеся поставить в соответствие каждому докапиталистическому способу производства какую-либо строгую определенную ступень развития материальных производительных сил, стали испытывать все большие затруднения, а у части социологов-марксистов даже стали возникать сомнения: действительно ли в докапиталистическом мире существовали какие-либо определенные ступени развития производительных сил с соответствующими им достаточно определенными типами производственных отношений?» (Коротяев А. В., Кузьминов Я. И. // Обсуждение книги В. П. Илюшечкина «Сословно-классовое общество в истории Китая» // Народы Азии и Африки. 1989. № 1. С. 157).

ние формаций должно быть нейтральным (по номерам: первая, вторая и третья, четвертая).

Если исходить из вышеизложенного, то, мне кажется, лучше говорить именно о **формациях исторического процесса**, и в дальнейшем, за пределами этой главы, когда мы окончательно разберем все аспекты понятия «общественно-экономическая формация», если речь идет о формации, это означает именно *формацию исторического процесса*. А понятие «формационность» будет означать качество именно исторического процесса в целом, то есть разворачивание его в виде смены (и сосуществования) формаций.

Надо еще оговориться об определении «формационный». Оно относится только к тем категориям, которые достаточно ясно связаны с формацией как ступенью исторического процесса человечества в целом, следовательно, не прикладывается к категориям, предназначенным для характеристики прежде всего отдельного общества. Но чтобы отличить чисто исторические этапы и эпохи в конкретных обществах, с одной стороны, от таких ступеней в их развитии, которые связаны в первую очередь именно с глобальными изменениями исторического процесса в целом, — с другой, я ввожу понятие «**формационная стадия**», то есть *стадия развития отдельного общества, так или иначе соотносимая с общечеловеческой формацией*.

§ 1. Противоречия, достоинства и возможности категории «формация»

По проблемам общественно-экономических формаций существуют обширная литература и довольно большой спектр мнений.

В абсолютном большинстве случаев формацию определяют как «исторически конкретное общество, то есть на данном этапе его развития»¹⁷, «особый социальный организм», «исторически определенный тип общества»¹⁸, некую универсальную модель развития общества, которая может быть приложена практически к любому историческому обществу. Уже и эти взгляды противоречат друг другу. Более правильно, даже в рамках ортодоксального подхода, считать формацию **типом** общества. Но тип никак не может быть

¹⁷ Келле В., Ковальзон М. Исторический материализм. М., 1962. С. 39.

¹⁸ Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. М., 1979. С. 146.

конкретным социальным организмом, поскольку последний обладает массой индивидуальных черт, от которых абстрагируются при типизации.

Еще правильнее полагать ее теоретической **моделью** обществ, обладающих определенными абстрактными характеристиками. Но модель есть известное огрубление и упрощение, поэтому формация тем более не может быть «исторически конкретным обществом на данном этапе развития». Во-первых, потому, что интервал времени, в течение которого общества вступают в формацию, весьма велик. Между тем каждая эпоха внутри данного интервала существенно отличается от остальных по уровню развития производства, общественных отношений и другим параметрам. Значит, в модели могут быть только самые общие характеристики. Во-вторых, формационная модель изначально предполагает цикличность и связанную с этим возрастную вариантность, то есть фактически речь идет о нескольких моделях, представляющих начальные, зрелые и кризисные этапы формации.

Самое удивительное, что формацию одни и те же авторы в одних и тех же текстах определяют то как социальный организм, то как тип¹⁹, а иногда еще и как модель. Путаница такого рода происходит, вероятно, от того, что теоретической конструкции фактически придают онтологические свойства и думают о формации как о некой действительно наличествующей сущности. Иначе бы не говорили, что «каждая общественно-экономическая формация представляет собой особый социальный организм, отличающийся от других не менее глубоко, чем отличаются друг от друга биологические виды»²⁰. К слову сказать, хороша была бы биология, в которой существовало всего пять видов. И если уж использовать биологические сравнения, то формацию надо было бы уподобить типу или

¹⁹ См., например, Фархiev Р. Д. О последовательной смене общественно-экономических формаций и ее своеобразии в истории отдельных стран и народов// Дialeктика общего и особенного в историческом процессе. Философские проблемы общественного развития. М., 1978. С. 61.

²⁰ (Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 745). В этой фразе напутано так много, что просто удивительно. Совершенно очевидно, что организм не может быть видом. И в любом случае неправильно предполагать, как здесь, такую же идентичность между обществами одной формации, как внутри одного биологического вида (волков, львов и т. п.).

хотя бы классу. Но вообще же она имеет временные характеристики, и обычная классификация здесь неуместна.

Понятие «формация» теперь еще применяют (в противовес цивилизации) как определенную модель, срез, проекцию общества, взятого в экономическом (в отличие от духовного) аспекте. Для теории исторического процесса это неудачный подход, поскольку выявить универсальную последовательность смены форм экономических отношений на уровне отдельного общества нельзя (см. сн. 16). Значит, придется говорить о слишком большом числе формаций, что лишает категорию смысла, а суть идеи об исторически сменяющихся общечеловеческих ступенях вовсе затемняется. Аналогичные возражения применимы и к идее Э. Лооне разделить формации на т. н. чистые и комплексные²¹.

Вообще же проблема наличия-отсутствия, «чистых» формаций хорошо показывала сложности использования истматовских формационных моделей при отнесении формации к одному обществу²². Те, кто утверждал, что «чистых» формаций нет, с точки зрения исторической практики были правы, поскольку любое общество многоукладно, хотя там может быть абсолютно ведущий сектор²³. Но сторонники их существования справедливо указывали, что в случае отвержения этой идеи теория вообще лишается смысла.

С моей точки зрения, подобная проблема как раз свидетельствует о методологических пороках общеизвестной формационной

²¹ Чистые – это такие, которые соответствуют теории. «Комплексной формацией можно назвать формацию, частями которой являются формации, объединенные в одно целое посредством регулярных и достаточно интенсивных связей так, что существование каждой из частей предполагает существование другой части. Предположим, в товарно-рыночном способе хозяйствования могут участвовать хозяйства, основанные на рабовладении, и хозяйства капиталистические. Тогда мы имеем комплексную рабовладельческо/капиталистическую формацию. В качестве комплексной формации можно рассматривать и общество, в базисе которого производственные отношения одного типа господствуют во внутренней экономической жизни, а производственные отношения второго типа – в экономических взаимоотношениях с остальным миром» (Лооне Э. Современная философия истории. Таллин. 1980. С. 212).

²² Формально исторический материализм говорил, что «история не знает «чистых» формаций» (Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 5. М., 1970. С. 394). Но фактически выводы, которые делались из формационной теории, противоречили такому утверждению.

²³ Среди тех, кто видел, что в реальной истории «чистых» формаций практически нет, но не хотел отказаться от идеи формации, возникло предположение разделить формации на исторические и социологические, то есть теоретические и реальные. Но это лишь запутывает дело.

теории, которая не только игнорирует вариантность, но как бы требует, чтобы новые формы утверждались в чистом виде. Но это совсем не типично, так как в реальности чистые случаи (даже почти чистые) встречаются намного реже, чем смешанные. Правда, в определенной мере это характерно для обществ, начинающих как бы с «чистого листа» свою историю. И в этом плане они часто оказываются в более выгодном положении, поскольку у них гораздо меньше этих самых «пережитков». Неудивительно, что в некоторых отношениях английские белые колонии обогнали метрополию, а США смогли сделать такой колоссальный рывок. И феодальная Европа смогла устранить множество ненужных моментов древности (то же язычество), благодаря чему западные страны смогли быстрее развиваться.

Если же относить термин «чистая» формация к мировому уровню, то выражение это теряет смысл. С одной стороны, совершенно ясно, что в мире всегда сосуществуют разные формации. И именно в этом органическом сосуществовании, в переходе, перетекании одних в другие и выражается одно из свойств исторического процесса и формационности²⁴.

С другой стороны, поскольку это понятие теоретическое, то естественно, что мы «наделяем» его нужной степенью чистоты, не забывая ни о сосуществовании, ни о том, что абстрактные формационные качества имеют большую амплитуду проявления в разных обществах.

Таким образом, для всех мнений об общественно-экономической формации (за отдельными исключениями, о которых будет сказано) основной недостаток, на мой взгляд, заключается в неразведении (или нечетком разведении) уровней общечеловеческого исторического процесса и развития отдельного общества.

Это вполне понятно, если вспомнить, что формация считалась стадией развития человечества, но не как ступень, присущая только человечеству в целом, не как нечто более широкое, чем новации в отдельных обществах, а как повторяющиеся в каждом обществе из-

²⁴ О последней будет речь в третьем параграфе этой главы. (См. также настоящую работу// Философия и общество. 1998. № 1. С. 53.)

менения, которые вместе и ведут все общества и народы по одинаковой дороге (либо как вариант часть обществ)²⁵.

«Такой взгляд, несомненно, находится в вопиющем противоречии с исторической реальностью, что и дало основания... объявить эту концепцию ложной»²⁶.

Основной недостаток составляет и главную проблему в применении этой категории. Ведь если формации – это стадии развития всех, пусть большинства, обществ, то модели формаций должны подтверждаться в большинстве же случаев. Однако этого нет, и по данному поводу написана бездна теоретической и исторической литературы. Напротив, формационные модели подтверждаются только в меньшинстве ситуаций. Причем дело запутывает также многозначность и неразделенность понятия «общество», которым жонглируют от всего человечества до общества в конкретном историческом эпизоде.

Итак, нужно выделить два базовых уровня: отдельного общества²⁷ и формационный, который всегда больше единичного социального организма, но в период зрелости дорастает до мирового. О причинах совершенной необходимости их четкого и полного разделения я говорил достаточно подробно, но есть смысл повториться. Замечу только, что, подчеркивая определение «**базовый**», нельзя упускать из виду, что вообще уровней обобщения не два, а много (неопределенное число), и любой из них может в конкретной ситуации стать важнейшим.

Во-первых, это разные уровни абстракции по исторической длительности, по составу участников, полноте и силе учитываемых

²⁵ Соотношение мирового и конкретно-общественного уровня для ортодоксальной формационной теории представлялось аналогично взглядам на государственность. Сначала все общества существуют в догосударственных формах (племенах, союзах племен, вождествах), потом под воздействием раскола на антагонистические классы они становятся государствами. При этом можно говорить и о мировой ступени достижения государственности, которая складывается как раз из многочисленных актов превращения отдельных обществ в государства. Но государство, в отличие от формации, гораздо менее абстрактный и более реально существующий объект, гораздо яснее связанный именно с обществом, хотя полной идентификации здесь нет. Но даже и в отношении государственности такой взгляд во многом неверен, тем более он неправилен в отношении формации.

²⁶ Семенов Т.О. И. Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве//Философия и общество. 1997. № 1. С. 158–159.

²⁷ Как основной единицы социологии и теории истории, то есть как относительно самодостаточной и не зависимой от других систем (см. подробнее: настоящая работа// Философия и общество. 1997. № 3. С. 24).

нами законов, а также и по возможности использовать такие инструменты, как группа и система законов. По всем этим и многим другим моментам формационный уровень качественно выше, чем уровень отдельного общества. *И чем большей зрелости достигает формация, тем шире формационный масштаб и выше уровень обобщения.* И лишь в обществе-первопроходце происходит максимальное (но далеко не полное) сближение в этом (только в этом) плане мирового и общественного развития.

Во-вторых, переход на новую формацию в отдельном изолированном обществе невозможен, ибо такой переход есть дело, масштаб и уровень надобщественный, перерастающий во всемирный. Даже когда кажется, что он определяется именно внутренними процессами отдельного общества, на самом деле он подготовлен ходом исторического процесса в целом.

В-третьих, человечество (его часть) в системном плане выступает как целое, а отдельное общество как составная часть этого целого, причем каждое общество занимает во многом неодинаковое с другими положение в этой системе (ибо сложная система, это не механическое объединение сходных элементов, а структура специализированных и потому (различных между собой частей).

В-четвертых, развитие человечества – это не единая линия, а движение обществ по разным направлениям, часть из которых ведет в полный или частичный тупик. А чтобы выйти из него, остальные общества должны заимствовать модели передовых. В результате же симбиоза собственных и привнесенных форм возникает много существенно различных комбинаций.

В-пятых, генеральное направление развития идет как раз в сторону все большей интеграции обществ и в целом человечества. А поскольку при этом наблюдается ускорение темпа исторического процесса и региональное укрупнение, надобщественные силы становятся все более мощными и влияют все сильнее на отдельные общества, но результаты воздействия на каждое из них оказываются неодинаковыми.

Стоит напомнить, что у нас уже шла речь о том, что из двух главных смысловых аспектов понятия «формация»: 1) модель одного общества и 2) ступень развития мирового исторического процесса – отказаться от первого, сохранив только второе, намного

легче, а сделать наоборот – гораздо сложнее, в этом случае термин теряет серьезное теоретическое значение²⁸.

Таким образом, разведение базовых уровней абстракции при применении понятия формации становится крайне важным, фактически решающим для преодоления ряда «неразрешимых» в течение долгого времени проблем и сохранения лучшего в формационной теории. Однако четкое понимание необходимости такой операции встречается весьма редко²⁹ и практически нет работ, в которых бы такое разведение было сделано до конца. Ведь оно требует, кроме общей идеи, очень большой и систематической работы во всех разделах и направлениях формационной теории, чтобы привести их в соответствие с таким разделением. На практике же некоторые ученые расширяли теорию в одних местах, но не делали это в других. Например, указанная проблема не решается без пересмотра всего массива и терминов.

В отношении последнего, пожалуй, наиболее последовательным был В. П. Илюшечкин, пытавшийся создать систему параллельных категорий для этих уровней. Но поскольку он не смог отказаться от ряда марксистских догм, его термины оказались громоздкими, а различия между ними и истматовскими далеко не всегда уловимыми. Создается впечатление, что фактически он и сам запутался в собственной терминологии. Это еще раз показывает, что частичное решение вопроса невозможно, проблема всплывает в самом неожиданном месте.

Приведенная ниже цитата Илюшечкина дает также возможность порассуждать об очень непростом моменте определения соотношения общемировых стадий и этапов развития отдельных социальных организмов в плане их сопоставления и выделения зависимостей, сходства и отличия.

«Что же касается членения процесса развития общества на формационные эпохи, то оно применимо в равной мере как к истории

²⁸ См.: настоящую работу// *Философия и общество*. 1998. № 2. С. 31-32.

²⁹ Один из немногих, кто достаточно определенно говорит об этом, Л. Б. Алаев. Он считает, что формационную теорию надо отнести лишь к общемировому, глобальному уровню, противопоставив ей более узкие закономерности, поскольку части не могут развиваться по тем же законам, что и целое; формации – это именно общемировые, общечеловеческие этапы (см. его выступление на «круглом, столе» «Формации или цивилизации» // *Вопросы философии*. 1989. № 10). Но его мысли остаются в целом на уровне пожеланий.

всего человеческого общества, так и к истории составляющих его отдельных народов»³⁰, – считал он. Очень характерная оговорка «в равной мере» показывает, что он впадает в ту же самую ошибку, о которой сказано выше: в модели исторический путь отдельных обществ ему представляется аналогичным развитию человечества в целом. Но деление на формационные эпохи применимо к истории отдельных обществ и всего человечества никак не в равной мере, а общее прикладывается к единичному только с учетом линии развития, времени, места и ряда других особенностей конкретного общества.

Итак, с одной стороны, формациями следует считать только общемировые стадии. Однако с другой – утверждать, что идея схождения развития обществ как между собой, так и с человечеством в целом является на сто процентов ложной, неправильно. Несомненно, что у многих социальных организмов есть определенное сходство в стадиях развития, и, следовательно, эта стадийность есть важное качество, характеризующее всемирную историю. Другими словами, значительная доля истины в том, что общества проходят одинаковые этапы, есть, поэтому данный подход до сих пор имеет сторонников. Но доля истины – это только часть ее, а приравнять часть к целому – значит исказить дело. Попробуем разобраться здесь основательнее. Это облегчит также и понимание причин, почему термин «формация» целесообразно оставить.

1. Указанная стадийность наблюдается далеко не у всех обществ, поскольку часть из них так и не в состоянии перейти на новый этап либо вообще (исчезает, уничтожается), либо в виде самостоятельных социальных организмов и этносов. Тем не менее нередко стадийность можно проследить как историю именно одного и того же общества.

2. Сходства между обществами в этапах развития во многом объясняются именно всемирным характером смены и разворачивания формаций. Но когда начинаешь сравнивать схему таких стадий в разных социальных организмах, видишь, что единообразия нет. Это может касаться как соотношения подсистем обществ, так и по-

³⁰ Илюшечкин В. П. Сословно-классовое общество в истории Китая. М., 1986. С. 42 (выделено мной. – Л. Г.). Он делает только две оговорки: хронология, то есть человечество, вступает в формацию обычно раньше, чем отдельное общество, и возможность перешагнуть, миновать отдельному обществу какую-то формацию. О последнем мы еще скажем особо.

следовательности стадий и их числа, разного ритма изменений в подсистемах, причин перехода, характера и темпа их смены. Такие различия уже связаны с разницей вместе, времени и модели изменений в каждом обществе.

3. В то же время масса различий не имеет отношения к мировым процессам, а объясняется чисто внутриобщественными (региональными) вещами. Понять, какие моменты являются результатом особенностей данного общества или региона, а какие есть преломление в них мировых стадий, можно только когда удастся найти ясное основание для выделения последних именно как свойственных человечеству в целом, а не как обобщения независимых изменений во многих обществах.

4. Хотя в каждом социальном организме соотносимые с формациями стадии имеют свои особенности и поэтому сильно различаются от общества к обществу, эти вариации могут быть объединены в несколько существенно различных моделей развития формации.

5. На характер модели сильно влияет соотношение внутренних и внешних причин перехода к новой формационной стадии. Поскольку марксизм отдавал основное предпочтение внутренним факторам, постольку движущие силы исторического развития очень сильно искажались. Между тем, как мы видели, развитие самостоятельное, под воздействием преимущественно внутренних причин – более редкое явление, чем смешанные или связанные с внешним воздействием модели. *При этом чем ближе формация к своему завершению, чем менее самостоятельна модель перехода к ней, тем важнее становятся внешние факторы*, роль которых, однако, всегда весьма велика, даже в самый начальный период.

6. Очевидно, что модель развития общества и этап «жизни» формации четко соотносятся между собой. Самостоятельная модель может иметь место, когда формация идет на подъем; полусамостоятельная – когда та достигает зрелости или высокой зрелости; несамостоятельная – когда она уже идет на спад, а свое влияние оказывает молодая следующая формация. И в каждом случае уровень развития производительных сил, науки и техники, политической и иной культуры, численность населения и общепринятые

правовые нормы, плотность контактов и масса других параметров очень сильно отличаются.

7. В результате контактов возникает некое надобщественное свойство, которое не присуще ни одному обществу в полной мере, а только в какой-то части (аспекте, разделении функций и т. п.)³¹. В то же время возникает и множество таких вещей, которые носят явно надобщественный характер. *И чем ближе к современности, тем больше таких моментов и тем они важнее.*

Итак, делаем вывод: мысль о нераздельности формаций как сразу и стадий общества, и стадий мирового процесса надо признать неправильной, искажающей реалии, не дающей ответа на главные вопросы. Но полностью и начисто отвергать идею соотносимости формаций и соответствующих изменений в обществах неверно. Необходимо разделить эти уровни. Ведь смена стадий (формационных) внутри обществ есть только **часть смены формаций исторического процесса**. Разумеется, часть неотъемлемая и исключительно важная. Но поскольку исторический процесс включает в себя не только внутренние процессы обществ, но и внешние по отношению к последним, значит, есть и другая, столь же важная и неотъемлемая часть смены формаций, по своему уровню качественно превосходящая уровень социального организма.

Желательно сделать и терминологические оговорки. Для соотносимых с формациями стадий внутри общества можно употреблять термин **формационные стадии**, чтобы, с одной стороны, отличить их и от фаз, связанных с местными или региональными особенностями, и от формаций исторического процесса (на уровне человечества), а с другой – показать их связь с последними. Также правильнее говорить, что общество достигает формационной стадии или – что синонимично – находится (вступает) в рамках (системе) формации.

Таким образом, *понять процесс, причины и последовательность смены формационных стадий в каждом обществе мы можем, только имея ясное представление как о ходе смены соответствующей формации исторического процесса в целом, так и ме-*

³¹ Примерно так, как в определенной группе людей ни одному из них не принадлежит свойство группы в целом, но каждый составляет какую-то большую или меньшую ее часть.

сте (по времени, важности, первичности и т. п.) этого общества в системе указанной формации.

Такой подход позволяет нам, во-первых, органически сочетать два рассматриваемых базовых уровня и переходить от теории исторического процесса к теории истории с помощью ряда правил и законов. Во-вторых, строить модель исторического процесса, показывая в одном измерении сходство, в другом – различия.

Итак, несмотря на всю важность разведения уровней, до конца это не сделано даже в работах наиболее глубоких исследователей.

Далее я бы хотел остановиться на взглядах Ю. И. Семенова, поскольку они достаточно близки мне в ряде отношений, являются интересными и ценными. Продуктивно выделение им генеральной (магистральной в его терминологии) линии исторического процесса и, соответственно, менее перспективных линий; центрального исторического пространства, подчеркивание, что формации относятся не к отдельному обществу, а к мировому процессу. Есть и другие положительные стороны.

Но многого и не хватает. Так, не доведено до логического конца понятие «формация», нет достаточного категориального аппарата для анализа именно общечеловеческого уровня, то есть уровня всемирно-исторического процесса. Есть и вещи, с которыми я не могу согласиться. И поэтому совершенно необходимо показать, в чем я вижу недостатки такого подхода и чем он отличается от моего. Разумеется, задача совсем не в критике Семенова, просто вопросы столь важные и принципиальные, что не дискутировать по ним невозможно. Кроме того, интересные взгляды тем и хороши, что от них удобно отталкиваться, чтобы лучше изложить свои собственные.

Семенов совершенно верно указывает, что лучше представить процесс развития формаций как «только вместе взятых» социальных организмов прошлого и настоящего, «т. е. всего человеческого общества в целом»³². Но далее он пишет: «В таком случае общественно-экономические формации выступают прежде всего как стадии развития человеческого общества в целом. Они могут быть и стадиями развития отдельных социальных организмов. Но это со-

³² Семенов Ю. И. Ук. соч. С. 159.

вершенно не обязательно»³³. И в другом месте: «История человечества есть единое целое, а общественно-экономические формации прежде всего являются стадиями этого единого целого, а не отдельных социально-исторических организмов. Формации могут быть стадиями в развитии отдельных социоисторических организмов, а могут и не быть ими. Но последнее ни в малейшей степени не мешает им быть стадиями эволюции человечества»³⁴.

Такой взгляд фактически полностью или частично выводит из формационного процесса очень многие, если не большинство обществ. Ведь одно дело, что большинство обществ вступают в систему новой формации несамостоятельно. Но они все-таки включаются в нее! И, собственно, законы развития именно на этом и строятся, что самостоятельно могут перейти только некоторые, а остальные так или иначе идут в фарватере первых. Но совсем другое, считать, что только некоторые общества могут находиться в какой-то формации, а большинство – нет. Более правильным логически и более продуктивным будет положение о единой формации для сопоставимых по уровню развития (особенно в производстве) обществ, с учетом важных различий внутри нее. Формации необходимо рассматривать не «прежде всего», а только как общечеловеческие этапы, поэтому нельзя говорить, что они «могут быть стадиями развития отдельных социоисторических организмов, а могут и не быть ими». Гораздо точнее будет вывод, что, с одной стороны, по определению, формации не могут быть этапами развития отдельного общества, а с другой – формационные стадии любого из обществ, которые вступили в систему данной формации исторического процесса, обязательно соотносятся с ней, только соотношение это не прямое, так как зависит от многих вышеуказанных вещей.

К другим взглядам Семенова мы вернемся позже, а пока стоит сформулировать, каковы основные характеристики, составляющие содержание понятия **«формация исторического процесса»**³⁵ и показывающие сложность его замены другими терминами.

Во-первых, как сказано, стадийность.

³³ Там же. С. 160.

³⁴ Там же. С. 206.

³⁵ Причем эти характеристики в той или иной мере присутствуют и в марксистском термине, только они четко не осознаются и не используются в достаточной мере.

Во-вторых, цикличность, показывающая рост, развитие и кризис определенных черт. Эта повторяющаяся очередность фаз и достаточно устойчивые временные соотношения между ними позволяют анализировать формацию со значительной долей научности.

В-третьих, системность, предполагающая иерархию между составляющими формацию категориями.

В-четвертых, многоуровневость. Это значит, что между конкретным историческим эпизодом и анализируемым теоретическим понятием располагается неопределенное число уровней обобщения, среди которых мы выделяем несколько базовых. И в зависимости от характера материала, задачи исследования и других вещей выбирается необходимый масштаб анализа, а для этого можно больше или меньше разворачивать содержание категории.

В-пятых, формация не просто временное, но и территориальное (историко-географическое) понятие. И в этом аспекте ее структуру правомерно представить в виде совокупности обществ, входящих в ее систему и делящихся на центр и периферию; пространственно-временные группировки разных типов и т. д.

Возникает вопрос, а зачем нужна такая громадная категория? Не лучше было бы ограничиться несколькими менее объемными и сложными? По мере того как в моей концепции это понятие все разрасталось, требуя новых и новых характеристик и категорий, я и сам задавал себе подобные вопросы. Ответ может быть таким.

Если мы исходим из принципа единства исторического процесса, то просто декларировать его бесполезно. Требуется показать (насколько возможно убедительно) это единство и в категориях, и в ряде аспектов, и в пространстве, и в законах. Далее его нужно представить в системе уже на отдельных больших этапах развития человеческого общества, то есть дать продуктивное и удобное членение исторического процесса по времени, иначе – его периодизацию.

Но если при этом мы не будем иметь общей категории, занимающей промежуточный базовый уровень между всем историческим процессом (в совокупности) и отдельными его аспектами, линиями и характеристиками и объединяющей их в систему, доказать такое единство вряд ли удастся. Формация и есть этот уровень, система и центр пересечения линий исторического процесса, поскольку фор-

мации – основные блоки, составляющие временное, пространственное и смысловое содержание модели исторического процесса.

Сложность исторического процесса между тем практически безгранична. И чтобы модель хотя бы указывала на такую сложность, она, во-первых, не может иметь простую структуру, а во-вторых, должна обладать способностью при необходимости усложняться, включая в себя новые моменты. Но без деления исторического процесса на части-формации достичь этого невозможно.

«Мировую историю, рассматриваемую как последовательность событий, можно описать как цикл, как драму и как прогресс», – писал Теггарт³⁶. В формационной теории совмещены все три аспекта (возможности): тут есть формационный цикл, есть прогресс, налицо и «драма» как в виде накопления и разрешения основного противоречия, так и в виде соперничества разных исторических линий развития. Но помимо этого здесь имеется и такой важнейший момент, как единство истории. Все это лишний раз демонстрирует достоинства анализируемой категории.

Теперь сформулируем основные задачи этого понятия по их важности (не забывая об их единстве). Ограничимся четырьмя (из целого ряда).

Главная – показать системность и единство. *Формация должна объединять все линии и общества с помощью определенных (весьма абстрактных) характеристик.*

Вторая, неразрывная с ней, – показать в этом единстве важнейшие различия, связанные с разными линиями и темпами развития. Но именно **важнейшие**, а не любые различия, поскольку, чтобы сделать акцент на разнообразии, есть и многие другие способы и средства, вплоть до историографических.

Третья – показать в системности иерархичность, позволяющую выделить главные движущие силы исторического процесса и дающую основания для более точной его периодизации.

Четвертая – позволяет сравнивать развитие отдельного общества с человечеством и определять близость первого к генеральной линии, прогрессивность в ряде моментов, его место в мировой системе (роль в истории).

³⁶ Teggart F. J. Theory and Processes of History. Berkley and Los Angeles. 1941. P. 47–48.

Таким образом, эта категория показывает *одновременно единство и многообразие исторического процесса, его непрерывность и членение во времени.*

Но вправе ли мы вместе со Шпенглером заявить: «Теперь наконец можно сделать решительный шаг и набросать картину истории, не зависящую больше от случайного местоположения наблюдателя в какой-либо – его – «современности» и от его качества как заинтересованного члена отдельной культуры, религиозные, умственные, политические и социальные тенденции которой соблазняют его расположить исторический материал сообразно некой ограниченной во времени и пространстве перспективе и тем самым навязать событию произвольную, поверхностную и внутренне чуждую ему форму»³⁷.

Идея о том, что можно найти некие правила, которые позволяли бы сегодня и в будущем в любое время одинаково объективно и строго анализировать интенсивно саморазвивающуюся реальность, какова всемирная история, наивна. Напротив, только признав, что мы всегда зависим от нашего «местоположения» и прочих субъективных ограничений, удастся найти способы свести к допустимому уровню ошибки, связанные с этим.

И это напрямую относится и к нашим категориям. Если мы понимаем их ограниченность, временность, смотрим на них не как на платоновские идеи, а как на инструменты, которые можно бесконечно совершенствовать (но именно совершенствовать, а не менять по прихоти на худшие), есть надежда минимизировать трудности, связанные с их недостатками. И эту мысль мы разовьем в параграфе 2.

§ 2. Формация и формационные категории в аспекте вертикального и горизонтального измерений исторического процесса

В историческом материализме, как известно, считалось, что модель формации для всех обществ примерно одинакова. Но фактически она создавалась на основе лишь отдельных обществ. Подобный метод В. П. Илюшечкин назвал «эталонным» и справедливо подверг резкой критике. По его описанию, он заключается в том, что

³⁷ Шпенглер О. Ук, соч. С. 248.

«некоторые страны древней и средневековой (а затем и новой истории. — Л. Г.) Западной Европы (античные Греция и Рим, средневековые Франция, Германия и Англия) произвольно принимались за некие «эталоны», или «классические образцы», общественной эволюции, будто бы наиболее полно и адекватно воплотившие в себе самые общие закономерности развития общества»³⁸. Естественно, что возникло сильное несоответствие между теоретической моделью и историческими реалиями.

Кроме догматического не замечать противоречий, из этих трудностей в рамках формационной теории логически виделось два выхода: 1) либо найти всеобщие, но абстрактные характеристики, чтобы было меньше исключений; 2) либо сузить понятие формации только для части более прогрессивных, проходных, «исторических» обществ.

Первый, следовательно, заключается в поиске более абстрактных формационных моделей, способных охватить действительно большинство обществ. Работая в этом направлении, можно до определенной степени развести указанные базовые уровни и создать обобщенные формационные характеристики, которые годятся для любого общества, но не прикладываются прямо ни к какому³⁹.

Но даже самые удачные обобщения в этом плане есть только одно измерение⁴⁰, которое я называл горизонтальным. И если ограничиться только им, не учитывая в теории в необходимой мере различия между обществами, проблему полностью решить не удастся. Возникают трудности с объяснением причин и движущих сил перехода к новой формации, разницы в моделях обществ-первопроходцев и идущих в их фарватере и т. п.

Тут было много более или менее удачных попыток разных ученых, среди которых я бы особо отметил идею Илюшечкина о еди-

³⁸ Илюшечкин В. П. Ук. соч. С. 52. Он также дает краткий обзор взглядов приверженцев этого подхода.

³⁹ Я сам первоначально искал решение именно в таком ключе. И это оказалось намного более правильным, чем заикливаться на некоторых догматических моментах, например формах собственности. В результате мне удалось найти ряд обобщений более высокого, чем в формационной теории, плана. Они затем органически вошли как составная часть в представленную в этой книге теорию исторического процесса.

⁴⁰ Я думаю, что будет точнее говорить не о вертикальной и горизонтальной **линиях**, как это делалось в предыдущих главах, а об **измерениях**, которые соединяют в себе ряд линий. Но иногда эти термины будут употребляться как синонимы.

ной докапиталистической формации, основанной на внеэкономическом принуждении (объединяющей рабство, феодализм и азиатский способ производства), и концепцию Алаева, стремящегося найти общие черты как для западного, так и для восточного феодализма.

Другой путь, по сути, констатирует, что формационные модели прилагаются только к небольшой части «исторических» обществ, а к другим требуются иные концепции. Здесь наиболее интересными являются взгляды Семенова.

Обе эти модернизации марксистской формационной теории, на мой взгляд, оказались односторонними, так как в них одновременно есть неправота, и неправота. В первом случае верная идея о том, что необходимо найти более широкие, чем истматовские, характеристики, под которые подошло бы большинство обществ, сочетается с фактическим преуменьшением роли проходных обществ, обеспечивших прорыв в новые формации. Тут налицо уклон во всеобщность, но недостаточно историчности.

Во втором – справедливо отбрасывается неправомерная идея о том, что все общества развиваются принципиально одинаково, но появляется также неправомерное утверждение: существует небольшая часть обществ, к которым приложимо понятие формации (или отдельных формаций), к остальным оно неприменимо (или применимо частично). Но это противоречит принципу единства исторического процесса. Фактически и здесь в основе лежит «эталонный метод», только наизнанку. В этом случае сохраняется историчность, но теряется всеобщность.

Однако я не думаю, что в каждом из этих подходов нельзя разделить верное и неверное. Напротив, есть надежда синтезировать лучшее из них. Поэтому-то и необходимо более подробно остановиться на некоторых моментах каждого из направлений, чтобы затем показать возможность синтеза обоих взглядов и какие выводы для построения категорий следуют отсюда.

Начнем с рассмотрения второго направления. Стремление сохранить традиционную (так или иначе связанную с пятичленной) периодизацию и не погрешить при этом против истории вело к противопоставлению более и менее удобных (правильных) обществ с точки зрения этой формационной теории. Возникает идея предста-

вить формации как характеристику общемирового процесса, но в то же время присущую и некоторым выдающимся обществам. Но если мы встанем на такую позицию, тогда и модель всемирной формации неизбежно будет опираться лишь на эти эталонные страны. Либо – либо. Либо отдельные общества и создают формацию, но тогда она не общечеловеческая ступень, поскольку большинство социальных организмов находятся вне ее. Либо мировая формация не может быть «увеличенной копией» отдельных обществ, а должна быть абстрактной моделью многих, не будучи прямо похожей ни на одно.

Значит, если формация – это общечеловеческая ступень, то отдельные общества не могут быть формациями, а будут в лучшем случае занимать в системе формации более центральное место, то есть они временно находятся наиболее близко к генеральной линии. Но временно, а не всегда. И в любом случае их развитие есть только частица, а не полная модель общего. Таким образом, хотя противопоставление более и менее прогрессивных с точки зрения теории исторического процесса обществ правомерно, но необходимо делать это только в рамках единой формации. Другими словами, *большинство сравнимых обществ относится к единой для них формации, но только некоторые избрали модель, способную их вести дальше, а не вбок.*

Продолжим теперь рассмотрение идей Семенова. Когда он пишет: «Сейчас существует настоятельная нужда в таком подходе, который, продолжая оставаться унитарно-стадиальным, в то же время учитывал бы всю сложность всемирно-исторического процесса, подход, который не сводил бы единство истории только к общности законов, а предполагал бы понимание ее как единого целого. Действительное единство истории неотделимо от ее целостности»⁴¹, – он прав. Как и в том, что понять исторический процесс можно только в единстве, учитывая «не только хронологию мировой истории, но и ее географию»⁴². Но в очень нужных поисках действительного единства исторического процесса он делает слишком сильный крен только в одну его генеральную линию. Иной раз получается, что он как бы отождествляет исторический

⁴¹ Семенов Ю. И. Ук. соч. С. 159.

⁴² Там же.

процесс и его часть, значит, недоучитывается момент количественного, вишь распространения формации, появления ее видового разнообразия и формирования разных, конкурирующих между собой линий. Всемирно-исторический процесс есть совокупность ряда разных линий, то сливающихся, то перекрещивающихся, то уходящих в небытие, то дающих пучок новых и т. п. Без этих негеноеральных линий нет формации, и данная категория должна отражать и единство, и различия линий.

Сведение же всеобщего к одной только линии ведет и к неправомерному сужению пространственных (и системных) характеристик формации. «Начиная с перехода к классовому обществу, – пишет Семенов, – общественно-экономические формации как стадии всемирного развития существуют в качестве мировых систем социально-исторических организмов того или иного типа, систем, являющихся центрами всемирно-исторического развития»⁴³. А где же периферия? Без нее нет формации⁴⁴. Частью она является просто продолжением центра как колонии, частью менее развитыми областями, частью переходными. Но по мере взросления формации все большее число стран входит в ее систему.

Смена формаций также должна вести к ротации обществ, приближенных к генеральной линии. Поэтому представление, что смена общественно-экономических формаций хотя и происходит именно в форме ротации мировых систем, но «может сопровождаться, а может не сопровождаться территориальным перемещением центра мирового исторического развития»⁴⁵, неверно. Иначе получается, что смена формаций обуславливается развитием именно тех обществ, в которых прежняя формация приобрела наиболее развитые или пышные формы. Между тем появление качества такого уровня требует сочетания исключительных условий, и некоторыми из них являются определенные пропорциональность и свобода в рамках прежних отношений. Первая же обычно в местах наибольшей зрелости существенно нарушена, и точка оптимума давно

⁴³ Семенов Ю. И. Ук. соч. С. 206.

⁴⁴ В этом плане подход Алаева, который включает в формационную систему и периферию, представляется точнее: «Итак, капитализм возник, подобно первой классовой формации, как очаговое явление, и в качестве формации его следует рассматривать вместе с периферией – колониями, полуколониями, странами третьего мира» (Алаев Л. Б. Ук. соч. С. 37).

⁴⁵ Семенов Ю. И. Ук. соч. С. 206.

пройдена, вторые бывают настолько зарегулированы, что разорвать их становится непосильным.

Следовательно, генеральная линия исторического процесса не является линией развития не только одного общества, но и даже региона. Иное дело – переход внутри формации от незрелых к зрелым формам. Он может быть в пределах одного региона, но не в одних и тех же странах. Во всяком случае, так было до сих пор⁴⁶.

Таким образом, у Семенова нет достаточной увязки двух очень важных принципов: различения генеральной и остальных линий развития как совершенно необходимого и продуктивного аналитического и методологического приема, с одной стороны, и представление формаций как общечеловеческих стадий, внутри которых и существуют эти разные линии, – с другой.

В моем представлении грубая схема выглядит так: генеральная линия опережает остальные, но они пусть и с отрывом все-таки к ней подтягиваются. Следовательно, исторический процесс идет, условно выражаясь, пульсациями: прорыв – расширение (в зрелой формации начинается сужение в той области, где может быть качественный рывок. Затем происходит прорыв в этом узком месте; далее расширение за счет того, что повое дает ряд вариантов. И после достижения новой зрелости цикл повторяется).

Значит, правомерно говорить о чередовании качественного и количественного этапов развития формации. В самом общем виде можно представить момент зарождения и достижения зрелости как этап качественный, а распространение нового, доказавшего свое превосходство, – как количественный. Более точно (если пренебречь вообще сложностью разделения этих категориальных качеств) смена количественного и качественного этапов совершается в течение формации несколько раз. Без какого-либо из этих этапов переход к новой формации (и даже внутри нее к новой фазе) немыслим.

Перекося только в одну «линию всемирного развития», то есть в генеральную, ведет к возрождению идей, которые уже были подвергнуты разнообразной и в основном справедливой критике. «Но

⁴⁶ Например, переход к торгово-ремесленному капитализму начался в Италии, затем центр сместился в Германию, далее – в Голландию, а уже индустриальная революция произошла в Англии, откуда центр стал перемещаться в Германию и Америку.

в целом европоцентристский подход ко всемирной истории последних трех тысячелетий существования человечества совершенно верен», поскольку «начиная с VIII в. до н. э., магистральная линия развития человечества идет через Европу. Именно здесь все это время находился и перемещался центр мирового исторического развития, здесь последовательно сменились остальные три мировые системы – античная, феодальная и капиталистическая»⁴⁷, – пишет Семенов.

Поскольку вопрос о европеизме не только давний, но и по-прежнему очень актуальный, мне хочется задержаться на нем подольше, тем более что от того или иного решения зависит очень многое в периодизации и иных принципиальных моментах.

Формационная схема Семенова выглядит так⁴⁸. Первобытная, затем политарная формации (последняя в целом соответствует общеизвестному азиатскому способу производства). Первобытная была полностью универсальной, характерной для всех регионов. Политарную можно считать почти универсальной, так как она господствовала везде, кроме Европы. А до рождения греческого античного общества существовала и в этой части света (крито-микенская цивилизация).

Затем, выходя из варварского предклассового состояния, Греция с VIII в. до н. э. совершает рывок и, минуя политарную, переходит сразу в античную (или рабовладельческую) формацию. А в начале нашей эры ряд европейских народов, опираясь на достижения античности, вступает в феодальную формацию. Однако, в отличие от предыдущих, античная и феодальная формации уже теряют свойство быть универсальными, так как распространяются только на Европу (точнее, даже только на часть ее⁴⁹).

⁴⁷ Семенов Ю. И. Ук. соч. С. 205.

⁴⁸ Хочу обратить внимание, что в статье Семенова понятия «формация», «способ производства», «эпоха» и «мировая система» употребляются как синонимы, поэтому при переложении его идей я везде использую одно понятие «формация».

⁴⁹ По мнению Семенова, ни скандинавские страны, ни восточноевропейские, включая Венгрию, «не были феодальными, как западноевропейские. Но не были они и политарными, как общества Востока. Они относились к одной или нескольким общественно-экономическим параформациям, природа которых требует выяснения» (Семенов Ю. И. Ук. соч. С. 194).

Наконец феодализм сменяет капиталистическая, вновь универсальная для всех регионов формация. И азиатские общества, в свою очередь, минуют античную и феодальную формации⁵⁰.

Итак, получается, что, пока восточные страны находились в одной формации, европейские прошли (или миновали) политарную, античную и феодальную, то есть вроде бы обогнали их на целых две формации. Но уровень производительных сил, культуры, религии, жизни в конце средних веков (XIII–XIV вв. н. э.) оставался на Востоке и Западе принципиально сравнимым. А ведь разрыв даже 15 одну формацию (между первобытной и политарной; или феодальной и капиталистической) создает колоссальные, качественные различия во всех сферах жизни. Иначе формационный процесс теряет свои важнейшие характеристики: поступательность и прогрессивность в сочетании с периодическими качественными рывками.

Таким образом, попытка сохранить рабовладение (античность) и феодализм как главную схему развития формаций исторического процесса с VIII века до н. э. до XV в. н. э. оказывается неудачной, поскольку существенно искажает историческую перспективу вообще, а т. н. политарные общества «лишаются» свойства соотноситься с общемировым развитием. *Но если мы говорим о всемирном характере и едином процессе развития человечества, то в систему формации должны входить раньше или позже большинство уцелевших и сумевших сохраниться обществ.* Иначе всякие утверждения об общечеловеческих ступенях декларативны.

В начальных этапах формационное пространство действительно еще достаточно узкое. Но формация тем и отличается от своего варианта (или местной вариации), что заставляет принять новые отношения большинство обществ, которые тем самым включаются в ее систему. Если того нет, невозможно говорить о формации как всемирном явлении.

Если придать чрезмерное значение одной линии (пусть и генеральной) исторического процесса, то мы не сможем создать продуктивную периодизацию и правильно вычленить стадии. Внутри отдельных обществ или регионов могут быть свои собственные стадии и фазы, но они необязательны для других групп социальных

⁵⁰ О так называемом «миновании» формаций мы специально будем говорить в следующем параграфе, поэтому я сейчас на обсуждении возможности его не останавливаюсь.

организмов, даже если связаны с вариантом формации (пусть даже ведущим вариантом). Но если они со временем не становятся общепринятыми, то их нельзя называть формациями. Известно немало подходов, когда стадии или характеристики отдельных регионов начинали (безрезультатно!) переносить на всю историю: то во всемирной истории видели чередование феодализма и капитализма, то рабовладения и феодализма, то централизации и децентрализации и т. п. Да разве цикличность истории древнего и средневекового Востока в теории цивилизаций не выдавалась за всеобщую закономерность?

Таким образом, если переход к сельскому хозяйству, а на их основе к государственности и цивилизованности, раньше или позже произошел практически везде, если переход к индустриальной экономике и индустриальному обществу захватывает уже все новые и все более отсталые страны, а античность и феодализм существовали только в одном регионе, значит, мы имеем дело с разными по уровню и масштабу явлениями. В первом случае это действительно формации, во втором – локальный вариант внутри единой формации.

Следовательно, триод от конца первобытности до индустриализма есть единая формация с рядом более или менее прогрессивных ее вариантов и линий. А т. н. рабовладельческую и феодальную «формации» нельзя рассматривать как формации исторического процесса, а только как европейский вариант разворачивания единой формации, связанный с особенностями развития части Европы. Тем не менее значение этого формационного варианта в некоторых отношениях исключительно велико.

Можно все-таки задаться вопросом, почему в анализируемой схеме одни формации (первобытная и капиталистическая) имеют такую важнейшую характеристику, как всеобщность, другие (политарная) наделены ею в меньшей степени, а третьи – рабовладение и феодализм – лишены ее вовсе? Если бы еще данное качество увеличивалось или уменьшалось в зависимости от близости к современности, можно было бы считать это проявлением определенной тенденции. Но тут логика иная: сначала уменьшение качества, затем вновь возрастание. Дело, на мой взгляд, объясняется тем, что в исследуемом подходе термин «формация» фактически (непредна-

меренно, конечно) употребляется в разных значениях, в то время как считается, что смысл его не меняется. Причем это никак не оговаривается и никак не объясняется.

В самом деле, если на Западе сменяются три формации, а на Востоке существует одна, но по уровню развития производительных сил, урбанизации, производительности труда, культуры, религии эти регионы вполне сравнимы, то, значит, категория «формация» употребляется в значении не всемирная, а **региональная** ступень, то есть как характеристика определенных социально-экономических (политических) совокупностей, различных на Западе и Востоке. Но если учесть, что первобытная и капиталистическая формации признаются общими и для Запады и для Востока, то, значит, в этом случае в категорию формации вкладывается уже смысл именно всемирной, общей и для Европы и для Азии, ступени развития.

При этом и т. н. политарная формация также получает разный смысл для Востока и Запады. Почему-то в Европе она исчерпала свои возможности уже в конце II тыс. до н. э., а в Азии шла на подъем по крайней мере еще полторы-две тысячи лет. Ведь к VIII в. до н. э. еще не родились Персидское, Арабское и много других государств, не достигли зрелости китайская и индийская цивилизации, не появились основные восточные достижения. И, думаю, любой согласится, что разница между крито-микенской культурой и средневековым Китаем (равно Индией или арабскими государствами) в уровне производительных сил (особенно ремесла), религии, философии, науки, литературы и т. д. была на порядок больше, чем разница между античными и современными им восточными обществами.

Но тогда непонятно, по какой же причине на ранних стадиях политарной формации Европа перешла в новую формацию⁵¹. Ведь

⁵¹ Причины, которые приводит Семенов, «характер исходного предклассового общества», «природа и сила внешнего воздействия» (Семенов Ю. И. Ук. соч. С. 187), на мой взгляд, годятся для объяснения появления особого варианта формации, но не дают ответа на поставленный «вопрос».

Васильев (см. пред. главу) здесь последовательнее: он говорит о мутации, которая свернула Грецию в новое состояние. А мутация, понятно, происходит внезапно, и ее причины могут быть чисто случайными. Но для того, кто придерживается формационной теории, таких объяснений явно недостаточно. Как знает читатель, я не только не игнорирую роли туманности (мутаций и т. п.), но как раз уделяю им большое внимание. Однако случайности,

мысль классиков марксизма о том, что ни один способ производства не может смениться, пока не исчерпал своих возможностей, – это одна из тех исключительно верных и ценных принципиальных установок, которые нельзя игнорировать. Такую неувязку можно объяснить только использованием разного значения для одноименной стадии. Но очевидно, что специально не оговоренное употребление одного термина (названия) в разных значениях ведет к логическим парадоксам.

Итак, всемирный характер формационного движения делает невозможным сведение исторического процесса только к одной линии. Говоря словами Шпенглера, «это ограничивает объем истории, но гораздо хуже то, что это сужает ее арену»⁵², и добавим, еще хуже, что это существенно искажает вообще перспективу исторического процесса. Но невозможно и утверждать полное равноправие всех обществ и культур в рамках теории исторического процесса (и даже теории истории), как это делал тот же Шпенглер⁵³.

Итак, мы снова наталкиваемся на односторонность правоты и европоцентристов, и приверженцев равноправия обществ. С одной стороны, когда Илюшечкин выступает против того, чтобы черты определенных обществ распространять на все общества данного периода, он, безусловно, прав. Но опять же только частично. Ибо отмахнуться от того, что есть более «исторические» общества, есть некая генеральная линия истории, никак не удастся. И в недоучете этого момента одна из серьезных ошибок самого Илюшечкина и причина неудачи его теоретического подхода.

С другой стороны, когда Семенов говорит о том, что европоцентризм в сущности правомерен, он не прав с точки зрения единства исторического процесса. Но в то же время он во многом и

которые не подготовлены всем ходом эволюции, которые не являются тем, что я называл «решающей деталью», не могут перевести мир в иное состояние. В лучшем случае они, утвердившись в одном месте, способны сохраниться и через длительное время заиграть по-новому. И именно так случилось со многими античными достижениями. Но чтобы перевернуть весь мир, нужно и многое иное, кроме мутаций и случайностей.

⁵² Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М., 1993. С. 145.

⁵³ Поэтому никак нельзя согласиться с его уничижительным сравнением: «Я вижу во всемирной истории картину вечного образования и преобразования, чудесного становления и прохождения органических форм. Цеховой же историк видит их в подобии ленточного глиста, неустанно откладывающего эпоху за эпохой» (Там же. С. 151).

прав, ибо попытка растворить генеральную линию исторического процесса в общем потоке также ведет к сугубым ошибкам.

Поэтому сначала продолжим рассмотрение вопроса, почему нельзя ограничиться лишь европейской линией исторического процесса, если она достаточно очевидна и уже имеется теоретическая модель европейского развития (пусть спорная). А затем обратимся к недостаткам нивелирующего подхода. И после этого станет яснее возможный выход из ситуации и какие следствия он влечет для категориального аппарата.

Идея исторических народов весьма и весьма давняя. Она лежит в основе средневековой периодизации по царствам или империям, ее придерживались многие мыслители Возрождения и XVII–XVIII веков (например Ж. Б. Боссюэ), ей следовал, по сути, Гегель, на нее опирались и выдающиеся ученые XIX века, такие как А. Сен-Симон и О. Конт. Не избежали ее влияния Маркс и Энгельс. В той или иной мере она продолжала воздействовать на умы даже и в тот период, когда раскопки в Передней Азии и расшифровка древних языков дали в руки ученых колоссальное количество фактов из истории Востока.

Европоцентризм – один из вариантов теории «исторических народов» и имеет весьма почтенные традиции⁵⁴. В конце прошлого – начале XX века он даже усилился идеями о вечной природе (и соответственно – неравноценности) рас и народов. Этот узкий подход к анализу всемирной истории, с одной стороны, есть наследие слабости знаний об истории Востока⁵⁵, а с другой – объясняется высокомерием колониализма, убежденного в своем превосходстве.

Аспектов, с которых можно критиковать европоцентризм, много. В контексте нашего исследования главный его порок – неизбежность отказа от идеи единства мирового процесса, даже если это единство избирается исходным принципом и целью исследования. Ибо фактически подобная теория годится лишь для одной ли-

⁵⁴ Его корни легко увидеть в античности, ведь греки называли остальные народы варварами. Роберт Нисбет в числе пяти главных предпосылок исторических идей, прослеживаемых от Греции до наших дней, выделяет убеждение в благородстве, даже превосходстве западной цивилизации (Nisbet R. *History of the Idea of Progress*. 1980. P. 317).

⁵⁵ Например, даже О. Конт был уверен, что такие народы, как китайцы и индийцы, не могли оказать никакого влияния на прошлое европейских народов.

нии, а для других потребуются иные теории, и в результате единство процесса теряется.

Если Европа переходит к капитализму после трех (двух) последовательных формаций, а Азия – после одной (да еще и минуя ранний капитализм), значит перед нами фактически все та же идея двух принципиально различных и параллельных линий исторического развития: Историчного, творческого и динамичного Запада и неподвижного, застывшего Востока.

В предыдущей главе мы комментировали мнения Л. С. Васильева. Поскольку он как раз достаточно ясно формулирует идею об этих двух теоретически несовместимых линиях, есть смысл вновь посмотреть на некоторые его взгляды именно в рассматриваемом в данном параграфе аспекте, чтобы очевиднее стали недостатки менее откровенно сформулированных в этом смысле концепций⁵⁶. Напомним: он считал, что единый исторический процесс разделился на два: европейский и неевропейский в VI в. до н. э., то есть с эпохи расцвета Греции.

Эти две линии у Васильева приобретают фактически онтологический статус. На первый взгляд кажется, это и не подлежит сомнению: вот Европа, а вот Азия, и результат, как говорится, налицо. Но так ли все просто? Все-таки по какому из многих возможных критериев выделяются эти направления? Согласно логике Л. С. Васильева – по отношению к частной собственности. Ведь он объединяет все неевропейские общества в концепцию государственного способа производства, суть которого «сводится к отсутствию частнособственнического начала в качестве ведущего стержня традиционной структуры и к господству в ней государственно-регулирующего начала, надежно защищенного всеми элементами и всей системой связей этой структуры, этого типа обществ»⁵⁷.

Но частная собственность до нового времени не может выполнять роль такого критерия (и об этом шла речь в последнем пара-

⁵⁶ Хотя Васильев отрицает необходимость понятия «формация» вообще (как и ряда других категорий исторического материализма), а Семенов резко критикует идею «о двух совершенно самостоятельных и качественно различных путях или линиях исторического развития – западной и восточной» (Семенов Ю. И. *Ук. соч.* С. 203), но как раз по вопросу этих двух линий и некоторых других их взгляды неожиданно оказываются заметно сходными.

⁵⁷ Васильев Л. С. Что такое «азиатский» способ производства? // *Народы Азии и Африки*. 1988. М». 3. С. 74.

графе прошлой главы). Да и четкое деление по такому основанию прослеживается далеко не везде и не всегда. Главное же, что если способ производства определяется по формам собственности: государственная – частная, – в теории исторического процесса в целом возникают серьезные концептуальные трудности⁵⁸.

Сейчас не место задерживаться на этом, но напомним, что деление всех обществ на общества с закрытым и открытым типом, на общины и общества и т. п. неоднократно имело место. Это приемлемо в определенных случаях в социологии истории, но не как «ось», вокруг которой строится концепций исторического процесса.

С учетом сказанного риску предположить, что фактическим и более глубоким основанием, по которому Васильевым выделяются эти линии, является, по сути, констатация того, что есть линия прогрессивная, а есть ряд линий непрогрессивных. И единство последних больше именно в этой непрогрессивности, чем в сходстве их структуры и характеристик⁵⁹.

Понятие же прогрессивности лишь частично онтологическое, в огромной степени оно именно методологическое. Ведь прогресс можно определять по-разному, особенно если не придерживаться единого подхода и критерия. А значит и линии исторического процесса можно выделять по разным основаниям, причем в зависимости от исходных принципов и поставленной задачи число их будет различным. Следовательно, и количество, и теоретическое описание этих линий не есть простая констатация очевидного момента, а в определенной мере всегда условность, хотя и опирающаяся на реальность.

Напомним свои возражения по поводу идеи Васильева о разделении единого процесса в VI веке до н. э. на два потока. И до этого времени исторический процесс не шел не одной линией, не двумя, а целым рядом их. Однако по мере укрупнения обществ и их группировок, по мере усиления контактов между ними общая тенденция развития вела к сближению человечества. Но и сегодня этот

⁵⁸ Например, с социализмом. Я не знаю, как трактует Васильев социализм в СССР и Европе с точки зрения мирового процесса, но согласно его теории о государственном способе производства эти страны надо относить туда. Но как быть с производительными силами?

⁵⁹ Он сам справедливо оговаривается, что «история демонстрирует бесконечное множество конкретных вариантов обществ и государств с господством государственного способа производства» (Васильев Л. С. Ук. соч. С. 74).

процесс далеко не завершен, а только более ясно обозначился. Поэтому я предпочитаю говорить не о двух линиях, а о генеральной и **остальных** линиях. И поэтому, на мой взгляд, гораздо продуктивнее **не делать установку преимущественно на различие, а показывать его в общем, едином.**

Таким образом, деление всемирно-исторического процесса именно **на две – не больше и не меньше** – линии развития мира (пусть две главные) является обычной методологической условностью. Да, это правомерно и для некоторых случаев вполне продуктивно, если четко объяснить, почему и для чего совершается такая операция. Но если придать им статус непререкаемой истины, вся концепция приобретает однобокость и в целом становится мало-пригодной.

Подобный подход в конце концов ведет к тому, что «удержать» теорию исторического процесса не удастся и в рамках двух линий. И сам Васильев в определенных случаях как будто отказывается от такого видения (например в своей «Истории Востока»). Так, говоря о современном периоде, он помимо западной выделяет уже не одну, а ряд линий (прежде всего страны, принадлежащие к конфуцианской и исламской цивилизациям, но отмечает также отдельно индусскую цивилизацию, Африку и другие). При этом он считает, что конфуцианская модель имеет гораздо больше предпочтительности перед исламской в плане развития капитализма. А между тем в мусульманских странах отношение к частной собственности всегда было более терпимым, а регулирующая роль государства меньшей, чем в конфуцианской. Следовательно, он видит главную разницу между незападными направлениями теперь уже не столько в экономическом строе, сколько в религиозно-культурных факторах. Но тогда его позиция становится сходной с тойинбианской, согласно которой есть не две, а более линий развития, и различия между ними определяются в первую очередь духовными основами.

Есть и еще один момент, который не позволяет делать **чрезмерный** упор на исключительности Запада, путь которого не столь прям, как кажется на первый взгляд. Если проследить развитие Востока и Запада с глубокой древности, то обнаружится не только ошибочность представления о параллельности и чуть ли не независимости развития каждого из них, которое укоренилось с эпохи,

когда история Востока была известна лишь по Библии и Геродоту. Мало сказать, что обе линии были тесно связаны между собой (тесно, конечно, соответственно возможностям времени) и взаимно обогащали друг друга. Фигурально говоря, европейская линия все время опирается на азиатскую, как плющ на ствол, чтобы в конце концов перерастить свою опору. Запад чаще выступает как ученик, чем как учитель. Да, европейцы оказались очень хорошими учениками и каждый раз превосходили своих учителей, но это только показывает, что мы говорим именно о генеральной (синтезированной) линии **мирового** процесса, даже если последнее время она проходит в одном регионе.

Если посмотреть на колебания европейской линии с древности, то можно сказать, что каждый рывок Запада связан с мощным заимствованием достижений с Востока, творческой переработкой полученного и возникновением принципиально нового синтеза. Крито-микенская культура «училась» у Египта и Ближнего Востока. Античная Греция, продолжая эту традицию, обогащалась восточной мыслью. Эллинизм и расцвет греческой культуры в большой мере есть результат взаимопроникновения азиатских и античной цивилизаций. Республиканский Рим во многом продолжал традиции эллинизма, но учился также и у пунийцев. Особая стадия синтеза двух линий – возникновение христианства, без которого, очевидно, западно-европейская цивилизация не вырвалась бы вперед (а может, и не сформировалась бы вообще).

Античная традиция не прерывалась в течение более чем тысячи лет. Падение Западной Римской империи в этом плане означало, что одна из линий исторического процесса, которая длительное время претендовала на то, чтобы быть генеральной, окончательно зашла в тупик и прервалась. Средневековье нельзя считать прямым ее продолжением.

К тому же Европа далеко не сразу подхватила эстафету генеральной линии⁶⁰, и достаточно длительное время шел поиск того, кто окажется ее наследником. Фактически эволюция в этот период как бы пробует несколько линий (и старых, и новых). Пока Европу

⁶⁰ Семенов указывает на этот момент, но данное им объяснение не во всем совпадает с его формационной теорией (см.: Семенов Ю. И. Ук. соч. С. 193). Он также много внимания уделяет взаимному влиянию Востока и Запада.

терзают волны переселенческих орд, пока там только-только идет складывание христианской цивилизации, на расположенной от Дальнего Востока до Италии⁶¹ территории в это первое тысячелетие новой эры идут весьма интенсивные процессы качественных изменений, как бы готовящие появление и расцвет нового направления, которое на относительно короткий срок (в три-четыре века) и становится генеральной линией исторического процесса.

Это арабы. Триумфальное шествие новой религии, рождение грандиозной империи в конечном счете привели к мощному расцвету городов и ремесла, торговли и литературы, архитектуры и науки. Именно торговля с арабами (и крестовые походы) оплодотворили расцвет Италии.

Самое интересное в нашем плане, что в указанный период именно арабы стали наследниками античной мудрости. И именно от них христиане узнали, сколь ценно такое наследие. Без них возврат к античному знанию сильно замедлился бы. Но от арабов европейцы получили и многое другое. Представьте, что индийские цифры не пришли бы в Европу в свой срок. Сколько времени потребовалось бы, чтобы развить математику? А какой прогресс науки мог быть без нее? Европейцы заимствовали бумагу и порох, возможно, печатный станок и прочее, без чего развитие могло оказаться иным.

Таким образом, очевиден зигзаг генеральной линии исторического процесса после падения Западной Римской империи и некоторого перерыва: из Европы в арабский мир, чтобы потом вновь вернуться в Европу, усвоившую многое из мудрости Востока⁶².

⁶¹ Стоит обратить внимание, что в указанное время Италия в известной мере являлась периферией Востока. Ведь она несколько раз возвращалась в состав Византийской империи. Кроме того, она являлась и пограничной зоной между Востоком и Западом, между античностью и варварством, поскольку лучше, чем в других местах Европы, сохраняла традиции древности и подвергалась самым разнообразным, но не губительным влияниям. И, может быть, в этом одна из причин расцвета Италии с начала второго тысячелетия, поскольку указанное сочетание порой способно родить качественно новое.

⁶² Этот перерыв имеет некоторую аналогию с древностью. Когда дорийцы разрушили ахейскую Грецию, им потребовалось несколько веков, чтобы вернуться к прежнему уровню. А обычно завоевателям хватало одного – максимум двух столетий, чтобы восстановить ими разрушенную цивилизацию и продолжать ее. Но зато в новой Греции произошел качественный рывок во многих отношениях. Германским завоевателям также потребовался ряд веков, чтобы начался новый качественный подъем.

Зато второе тысячелетие меняет местами положение Востока и Европы. Европа уже не испытывает нашествий, а Азия — одно за другим. Вот теперь, начиная с XII–XIII вв., можно говорить о том, что генеральная линия непрерывно проходит через Европу (однако наиболее прогрессивные общества тут постоянно меняются)⁶³. Но в XX веке, с первой мировой войны, мировой центр перешел к США, где пока и остается. Сегодня вновь намечается его возврат в Европу (но уже в ином, чем прежде, виде: не в отдельные страны, а в единый регион).

Европоцентризм уже с середины XIX века подвергался разнообразной и резкой критике. Можно считать, что теория цивилизаций — это реакция на него. Освальд Шпенглер называл эту концепцию скудной и бессмысленной схемой и метал громы и молнии в адрес ее приверженцев. Но и взгляды Данилевского, Шпенглера, Тойнби и других теоретиков цивилизационного подхода, будучи верными в определенных моментах, все-таки не давали ключ к адекватному пониманию исторического процесса.

Современник Шпенглера и Тойнби Фредерик Теггарт⁶⁴ отвергал европоцентризм с иных (скорее методологических) позиций и считал, что даже история Рима может быть рассмотрена как дающая единство лишь европейской, но не мировой истории, и еще менее удовлетворительно рассматривать Европу как мировой центр и средние века⁶⁵. По его мнению, превращение Рима в мировую державу оказало слишком сильное влияние на умы историков. Последние и в другие эпохи хотели бы найти такое «мировое государство», с помощью которого можно было бы представить мировую историю как единство. И мысль о том, что в каждый ее момент должно быть одно доминирующее государство, давила на исследо-

⁶³ Но и тут надо заметить, что развитие Европы в конце средних веков и начале нового времени опиралось на Восток. При слабости контактов в средние века Европа сама по себе никогда не смогла бы перейти к капитализму. Италия скорее всего не смогла бы, а без Италии развитие капитализма не состоялось бы, как не начался бы поиск путей в богатую Индию и золота. Именно восточные страны давали тот излишек богатства и знаний, которые оплодотворили европейскую цивилизацию.

⁶⁴ Исследователь идеи прогресса Р. Нисбет называет его одним из самых проникательных критиков этой концепции (Nisbet R. Op. cit. P. 322).

⁶⁵ Teggart F. J. Theory and Processes of History. Berkeley and Los Angeles. 1941. P. 46.

вателя, стремящегося дать единство истории человека, но не обнаруживающего таковой державы⁶⁶.

Однако справедливая критика идеи мирового центра в виде определенного государства не означает, что такого центра не будет в виде региона, группы государств или чего-то другого. Только здесь следует речь вести не о фактическом политическом, а о **формационном** центре (то есть в определенной мере теоретическом, но опирающемся на реалии).

Параллельно европоцентристскому подходу в XIX веке получила большое распространение и идея о том, что все народы и общества развиваются примерно однотипно с разницей лишь во времени⁶⁷.

Почему такие утверждения о полной теоретической равноправности всех линий и обществ неправомерны? Во-первых, потому, что отвергать сведение всемирно-исторического процесса к истории только одного региона не значит отвергнуть бесспорный факт наличия важнейшей исторической линии из античности в сегодня именно через Европу и еще более бесспорный факт культурного и технического превосходства Запада.

Во-вторых, хотя разные линии истории в каких-то аспектах действительно можно считать равноправными, но это вовсе не значит считать их равноправными также в скорости развития или техническом прогрессе.

В-третьих, мы видим, что общества и регионы очень сильно различаются по степени своего влияния на другие и по значимости своих достижений. **При этом чем больше такое Влияние и чем надобщественнее явление, тем бесспорнее относить эти события к всемирно-историческому процессу⁶⁸.** И «историчность» общества прямо пропорциональна тому, сколько внутренних событий стало частью надобщественного.

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Возможно, это было связано с особенностью сформировавшегося убеждения в сущности и характере прогресса, которая, по словам Нисбета, в период 1750–1900 гг. достигла зенита популярности в западных умах (Nisbet R. Op cit P. 171).

⁶⁸ Стоит подчеркнуть, что не все из этих событий и процессов, идущих внутри отдельных обществ, входят в надобщественное качество, и только та часть, которая так или иначе влияет на другие общества сразу или позже, прямо или косвенно, но достаточно заметно.

В-четвертых, идея равноправия лишает возможности понять крайне важные для теории исторического процесса вещи: причины и механизмы перехода к новым формациям и формационным этапам. Умалется значение внешних факторов и исторического эволюционного отбора. Затумешивается принципиальное положение о том, что переход к новому не запрограммирован генетически, а является результатом неповторимого сочетания условий, когда предшествующее развитие уже достигло высшей зрелости. И т. д.

В советской формационной теории неразрывно сплелись оба рассмотренных подхода: с одной стороны, идея эволюционистов, что все народы развиваются одинаково, а с другой – что все-таки некоторые общества наиболее полно отразили черты той или иной формации. Отсюда возник синтез «эталонного» метода и универсализма, создавшего порочный круг.

Какой выход из ограниченности указанных подходов? Мы говорили, что необходимо ввести два измерения: горизонтальное и вертикальное, – способных объединить идеи равенства и неравенства. Признание теоретического равноправия обществ задействовано в горизонтальном измерении. Тут упор делается также на широту распространения каких-то качеств. Поэтому формационные сходства обществ по горизонтали удобнее определять в зрелой фазе формации. Вертикальное измерение показывает общее направление движения по оси времени большинства социальных организмов, способных к развитию. Но поскольку невозможно отмахнуться от того, что есть более и менее прогрессивные линии, совершенно обязательно среди прочих вертикальных особо выделить генеральную линию.

Все сказанное в предыдущем абзаце подробно аргументировалось прежде (в главах 5 и 7). Сейчас необходимо остановиться на том, как должны строиться формационные категории в аспекте указанных измерений.

Прежде всего с учетом сказанного о разведении уровней необходимо вновь подчеркнуть: систему категорий для теории исторического процесса нужно не подстраивать к той, что есть в историческом материализме, а, фигурально выражаясь, надстраивать, достраивать и перестраивать. Это значит, что категории надо относить строго либо к уровню общества, либо к мировому уровню. А

выявившиеся прогалы заполнить новыми понятиями, одновременно уточняя те, что мы оставляем. Конечно, как в реальности нелегко разграничить уровни, так и в категориальном аппарате далеко не все удастся четко разделить. Но, во-первых, к этому надо стремиться, во-вторых, осознавать, когда, где и почему появляются различные смыслы одних и тех же терминов и как уменьшить возникающую от этого нечеткость.

Далее я хотел бы остановиться на такой мысли. Бесспорно, создание категорий имеет определенные общие правила. Однако это вовсе не значит, что все категории создаются однотипно. Напротив, если наша цель – сделать их более точным инструментом, то они должны в некоторых моментах учитывать свое назначение, в том числе цель, способ и сферу применения. Категории, призванные показывать всеобщность или типичность, по определению отличаются от тех, которые должны показывать уникальность или специфику.

Когда Р. Арон пишет: «Понятие создается не общими для всех этих исторических индивидуальностей чертами и не усредненными характеристиками. Оно суть стилизованное построение теоретической конструкции, вычленение типичных признаков»⁶⁹, – то скорее это относится к тому, что Вебер называл идеальным типом. Но для ряда категорий теории исторического процесса говорить о типичности невозможно, потому что этот объект вообще единственный в теории. Таковы, например, вертикальное измерение и генеральная линия. Слабо соотносится типичность и с понятием формации. В отношении формационных категорий ситуация следующая.

Больше оснований говорить о типичности для категорий горизонтального измерения. Но это особого рода, так сказать, **абстрактная** типичность, показывающая некоторые отвлеченные свойства реальных обществ. Например, категория «тип общественного сознания» фиксирует мысль, что социальные организмы могут быть разделены на типы в зависимости от уровня сложности и особенностей структуры общественного сознания и каждая формация имеет свой собственный тип.

Типичность свойственна и вертикальному измерению, но в меньшей степени. Ибо тут упор сделан не на абстрактном сходстве,

⁶⁹ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993 С. 512.

а лишь на определенной соотносимости формационных категорий с теми категориями (и соответственно явлениями), с помощью которых описываются отдельные общества. А это подразумевает уже не просто вариантность, но и оценку их по какому-то критерию.

Если же речь идет о категориях, относящихся к генеральной линии, то здесь совсем мало типичности и гораздо больше уникальности. Ведь генеральная линия и определялась как линия нетипичного, нового. Но это такая новизна, которая через определенное время станет всеобщностью, то есть это *потенциальная типичность*.

Благодаря вариантности и особенности определяется «неравноправие» моделей и обществ по прогрессивности, исторической роли, востребованности их достижений и т. п.

Как сказано, особенности категорий связаны с тем, для каких целей они предназначены. Но формационные категории – это весьма объемные понятия, поэтому существуют определенные вариации в их использовании. Ведь каждая из них, как и формация в целом, имеет два измерения. И в зависимости от того, какое из обоих задействовано, делается и соответствующий акцент на всеобщность, вариантность или исключительность.

Но хотя и в разных пропорциях, симбиоз всеобщности и специфичности обязателен и для горизонтального и для вертикального измерений. Всеобщность так или иначе предполагает наличие вариантов, а специфичность каким-либо образом может быть включена во всеобщность. Об этом важно помнить, потому что, когда выводится какое-то абстрактное общее свойство, часто предполагается, что оно должно быть присущим каждому члену этой абстракции в одинаковой степени. Но так ли это? Насколько выделенное сходство «обязательно» для отдельного общества? Другими словами, каково соотношение в каждом конкретном случае общего и индивидуального?

«Выводить общее непосредственно из отдельного удобно лишь в тех случаях, когда оно достаточно просто и не выражает глубоко-сущностного. В тех же весьма многочисленных случаях, когда общее предстает как нечто очень сложное... двучленная формула «отдельное – общее» превращается в трехчленную «отдельное –

особенное – общее», – говорит Илюшечкин⁷⁰. Относительно первой части своего утверждения он в целом прав, хотя, строго говоря, двучленная формула не годится даже в простых случаях, фактически она много сложнее. Что касается второй части утверждения, то упрощение здесь еще более очевидно. При «очень сложном» общем применима не трехчленная, а многочленная формула, число членов которой не определено. И поэтому всегда в принципе можно добиться большей точности, если ввести дополнительные и промежуточные уровни обобщения.

Неправомерность такого упрощения будет еще более понятной, если вдуматься в дальнейшие его рассуждения. «Общее всегда одинаково для данного ряда объектов, тогда как особенное всегда в чем-то своеобразно, ибо оно в каждом случае воплощает в себе не только одинаковое общее, но и различное отдельное, различные оттенки общего и потому в каждом случае отличается от другого особенного своеобразным колоритом, своей неповторимой конкретикой, своеобразными формами своего бытия»⁷¹.

Хочу заметить, что «общее для данного ряда объектов» никак не может быть одинаковым. В противном случае перед нами найдутся одинаковые без всякого отличия объекты. Общее не есть нечто, что присуще в полной мере какому-либо объекту вообще. *Общее – это выделенное свойство, которое присуще объектам, входящим в его систему, именно в разной мере. Это тем более очевидно, чем абстрактнее общее.* В социологических терминах, вроде государства, это тоже присутствует. Как бы мы ни определили его, всегда есть государства, в которых это свойство выражается сильнее, и те, в которых оно выражается слабее. Здесь важно, что общество в целом попадает в ту **амплитуду различий**, которую мы признаем нормальной⁷².

И в зависимости от выведенных нами качеств, терминов, их нейтральности⁷³ какие-то общества ярче воплощают наше качество, а какие-то менее ярко, в каких-то более яркие одни аспекты, в других – иные, какие-то характеристики могут быть еще ближе к

⁷⁰ Илюшечкин В. П. Ук. соч. С. 48.

⁷¹ Там же. С. 48–49.

⁷² Мы еще вернемся в дальнейшем к последнему понятию и к тому, какие процедуры могут быть тут использованы.

⁷³ См. об этом: настоящую работу// Философия и общество. 1999. № 1. С. 29.

прежней формации. Добавим, что яркость проявления какого-то качества совсем не обязательно свидетельствует о перспективности общества, а то и наоборот⁷⁴.

И только признав, что выделенное для категорий масштаба теории исторического процесса качество присутствует в обществах в разной степени, но все же в некоторой амплитуде, мы можем считать, что исходим из теоретического равноправия обществ. Только тогда правомерно говорить об абстракциях действительно всемирной ступени, которая, однако, может быть применена ко всем обществам. И только в этом случае можно надстроить терминологию общечеловеческого (формационного) масштаба над уровнем общества и тем самым сделать очень важный шаг к разведению этих уровней.

Наконец нельзя также забывать, что категории находятся в определенной системе и мы вправе установить среди них определенную иерархию и выделить среди них обладающие большей фундаментальностью. Это крайне важные процедуры, которые дают нам основание для периодизации и установления более прогрессивных моделей. И об этом в следующем параграфе.

(Продолжение следует)

⁷⁴ Например, в категории «внеэкономический тип отчуждения благ и личности» яркость проявления свидетельствует, что в данном обществе господствуют жесткие социальные и экономические отношения: рабство, крепостничество.